

щая к античности идиллическая тема о безмятежной жизни в тесном общении с природой».⁴³

Ломоносов не сразу нашел свое решение вопросов русского стихосложения и поэтического стиля. В своем замечательном исследовании Е. Я. Данько показала, как немецкие теоретики и практики немецкого стихосложения помогли Ломоносову правильно увидеть недостатки реформы стиха, предложенной Тредиаковским, и лучше последнего оценить большие поэтические и версификационные возможности русского языка. Для Ломоносова стихосложение было хотя и важным, но все-таки частным вопросом, подчиненным основной литературной проблеме русской жизни — созданию поэзии гражданской, государственно-политической, злободневной, посвященной важнейшим темам общественно-политической жизни. Таким жанром для всей поэзии европейского классицизма была похвальная ода. Разработка этого жанра, поиски наиболее подходящего для него риторического строя и композиционно-стилистического решения заняли у Ломоносова не менее десятилетия.

Сравнение всей совокупности поэтических произведений Ломоносова этого времени с более поздними позволяет установить общий характер эволюции его поэтического стиля в период выработки основных принципов его поэтики. Как пришел Ломоносов к своему пониманию поэтического стиля и практическому воплощению открытых им принципов поэтической работы, — этот вопрос до сих пор не получил еще хотя бы предварительного освещения.

Одна из существенных черт поэтического новаторства Ломоносова в области стиля заключается в том, что он сделал метафору основным поэтическим принципом образного строя своих од. Метафора была тем средством, которое позволило Ломоносову превратить похвальную оду в поэтический жанр, усилить ее эмоциональное воздействие и ее поэтическую силу.

Конечно, тут могла послужить Ломоносову примером хорошо ему известная немецкая поэзия 1730—1740-х годов. Но в его поэтическом сознании присутствовали гораздо более мощные и действенные возбудители интереса к поэзии метафорически-образного строя. Таких источников было два: поэзия так называемого «священного писания», псалмы и книги пророков — с одной стороны, и русская народная поэзия — с другой. «Псалтырь» была общедоступной книгой каждого грамотного русского человека. Ломоносов, разумеется, хорошо знал ее. А «Псалтырь» Симеона Полоцкого он, по его собственному свидетельству, еще в отрочестве вытвердил наизусть. Как уроженец русского Севера Ломоносов должен был с первыми звуками родной речи услышать сказки, песни, былины — все то огромное богатство эпической и песенной поэзии, ко-

⁴³ Ломоносов, т. 8, стр. 867.